

■ Гражданское общество в России

Т. А. Гужавина

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ КАК ЭКСТЕРНАЛИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Грант № 19-011-0724/19 «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне»

DOI: 10.19181/snsp.2019.7.1.6268

Гужавина Татьяна Анатольевна — кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, ФГБУН Вологодский научный центр РАН. 162000, Россия, Вологда, Ул. Горького, 56а

E-mail: tanja_gta@mail.ru

Аннотация. Концепция социального капитала, ставшая популярной в последние десятилетия, имеет значительный эвристический потенциал. Её развитие идёт через расширение объекта исследования. Одним из таких мало изученных направлений в настоящее время остаётся исследование экстерналий социального капитала. Внешние эффекты от использования социального капитала весьма разнообразны. Чаще всего в исследованиях внимание уделяется их проявлениям в экономике. Однако они имеют место во всех сферах жизни общества и так же значимы. Так, в сфере политических отношений к социальным эффектам можно отнести различные формы гражданского участия, которые способствуют функционированию гражданского общества и, в первую очередь, реализации его функции как механизма обратной связи между обществом и государством. Цель данной статьи на эмпирическом материале показать зависимость гражданского участия респондентов от имеющегося у них социального капитала. Эмпирической базой исследования послужили результаты опроса общественного мнения населения Вологодской области, проведённые специалистами ФГБУН ВолНЦ РАН в июне 2016 г. В ходе анализа данных, осуществлённого на основе индикаторной модели измерения социального капитала, разработанной в ходе реализации проекта «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», были выделены группы носителей социального капитала, различающиеся по степени его накопления. Анализ данных проводился с использованием пакета SPSS. В ходе исследования была установлена зависимость проявляемой респондентами гражданской активности от их принадлежности к группе с накопленным социальным капиталом. Обладатели более высокого уровня социального капитала были в гораздо большей степени вовлечены в различные формы гражданского участия.

Ключевые слова: социальный капитал, внешние эффекты, гражданское участие, индикаторная модель.

К постановке проблемы

Одна из задач, встающих перед российским обществом и обозначенная в послании Президента Федеральному собранию РФ¹, заключается в укреплении институтов гражданского общества, в концентрации на этом направлении необходи-

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42902/page/1> (дата обращения: 11.05.2018).

мых ресурсов. В российском политическом пространстве гражданское общество занимает достаточно устойчивую позицию, выполняя свою важнейшую функцию механизма обратной связи, передающего сигналы от общества во властные институты. Эта функция, по мнению исследователей данного феномена, является наиболее важной, поскольку обеспечивает возможность для населения участвовать в гражданском политическом процессе. В последнее время трактовка гражданского общества как антитезы государству всё в большей степени уступает место его пониманию как дополнения государства, как силы, которая уравнивает последнее [Zaleski, 2006; Мерсиянова, Якобсон, 2007; Кирдина, 2012].

Гражданское общество формируется и существует в определённых институциональных условиях. Наиболее значимыми из них являются ярко выраженная иерархичность институциональной системы, её целостность и интегративность, значительная роль государства в организации социальной жизни. Но взаимосвязь между государством и гражданским обществом имеет под собой противоречивые основания. На некоторые из них указал О. Яницкий, отметив ряд существенных различий между государством и гражданским обществом [Яницкий, 2010]. Во-первых, это организационно-структурные различия. Вертикальное построение для государства и горизонтальное для гражданского общества. Если в первом случае мы имеем жёстко соподчиненную структуру, то во втором её основанием служит сетевое взаимодействие. Во-вторых, отношения между легальным и формализованным институтом, которым является государство, и гражданским обществом представляют собой определённый конфликт интересов. Такой подход позволяет О. Яницкому определить гражданское общество как некий круг людей и их сообществ, руководствующихся ценностями общего блага и готовых к их практической реализации собственным трудом [Яницкий, 2010].

Гражданское общество формируется на локальных территориях, на базе обществ конкретных поселений и активизируется, прежде всего, через решение местных вопросов [Мерсиянова, 2004; Блонин и др., 2008; Шаматонова, 2013; Гужавина, 2015]. В условиях региона гражданское общество предстаёт в виде специфического социального, экономического, культурного пространства, в котором достигается определённый баланс различных (индивидуальных и групповых, неформальных и институциональных) интересов, происходит их реализация в рамках многообразных неполитических форм коллективной жизни. От характера и уровня развития этих форм во многом зависит эффективность функционирования гражданского общества в том или ином регионе. Гражданское общество выполняет целый ряд социальных функций, к числу которых относят демократическую социализацию граждан, создание общественной сферы и формирование действующих в ней акторов, контроль над государством и защита граждан от его произвола. Как отмечают исследователи, данные функции в условиях российской действительности реализуются не в полной мере [Мерсиянова, Корнеева, 2011: 7]. Тем не менее, именно через различные повседневные практики происходит актуализация этих функций, обеспечивается связь между обществом и государством. И здесь мы

можем говорить уже о гражданском участии, которое позволяет оказывать влияние на институциональные формы, программы, правила таким образом, чтобы они соответствовали интересам населения в большей степени [Кирдина, 2012: 72]. При этом надо иметь в виду, что «неучастие граждан в социальной жизни ослабляет механизмы обратной связи, важные для корректировки фактических и предлагаемых трендов, повышает социальные издержки проводимых преобразований, не позволяет задействовать личностный и групповой потенциал для улучшения жизни в обществе» [Кирдина, 2012: 68].

В своё время А. де Токвиль, исследуя демократические процессы в Америке, обратил внимание на активность граждан, которые «беспреданно объединяются в разные союзы. Это не только объединения коммерческого или производственного характера, в которых они все без исключения участвуют, но и тысяча других разновидностей: религиозно-нравственные общества, объединения серьёзные и пустяковые, общедоступные и замкнутые, многолюдные и насчитывающие всего несколько человек» [Токвиль, 1992: 378]. Эта деятельность способствовала активному участию граждан в общественной и политической жизни по представлению своих интересов. Подход, сформулированный А. де Токвилем, служит своего рода мостиком к другой концептуальной модели, позволяющей рассматривать гражданское участие. Мы имеем в виду концепцию социального капитала. В рамках данной концепции участие граждан в деятельности самых разных ассоциаций было проанализировано Р. Патнэмом уже применительно к современной Америке [Putnam, 2000]. По его мнению, такое участие развивает и укрепляет коллективные нормы, которые играют основную роль в создании и поддержании общественного порядка и обеспечения благосостояния. Но в первую очередь устанавливается и поддерживается доверие между участниками объединений, являющееся основой всех общественных отношений. Тем самым он обозначил проблему эффектов от установления контактов и отношений. Гражданское участие мы предлагаем рассматривать сквозь призму концепции социального капитала, видя в нём одну из форм экстерналий последнего.

Методология и методика исследования

Концепция социального капитала уже имеет определённую историю и приобрела популярность среди исследователей благодаря своим эвристическим возможностям. Данная концепция является дескриптивной по своей сущности. Однако она способствует более глубокому пониманию роли и значения общественных отношений. Концептуально устоявшимися на сегодняшний день являются многие аспекты данной теории, получившие разработку как в зарубежной, так и в отечественной научной мысли. К их числу можно отнести понимание сущности данного феномена [Беляева, 2014; Коулман, 2001; Радаев, 2002], представления о структуре и функциях [Полищук, Меняшев, 2011], типах социального капитала [Коулман, 2001; Woolcock, Narayan, 2000]. Основанием концепции можно считать

идею о том, что сущность социального капитала составляют связи и отношения, базирующиеся на доверии и нормах взаимодействия. Иначе говоря, социальный капитал имеет общественную природу. Он создаётся и воспроизводится в процессе его активного использования. Рассматривая социальный капитал как одну из форм капитала наряду с материальным и человеческим, П. Бурдьё сформулировал его принципиальные отличительные характеристики. К ним он отнес неосвязаемость, символичность, отсутствие права собственности [Bourdieu, 1986: 19]. Трактовка социального капитала у П. Бурдьё носит инструментальный характер. Он концентрирует внимание на той пользе, которую индивиды могут получить или получают, принимая постоянное и активное участие в деятельности групп с целью создания некоторого ресурса. Это дает возможность выявить внешние эффекты социального капитала, возникающие за счёт включённости в сети социальных отношений.

Внешние эффекты

Внешние эффекты (или экстерналии) социального капитала дают о себе знать во всех сферах жизни общества, поскольку они проявляются в складывающейся системе социальных отношений. Понимание внешних эффектов как социальной выгоды даёт возможность установить очевидность связи между социальным капиталом и тем или иным социальным результатом.

Социальный капитал, будучи нематериальным ресурсом, оказывает влияние на экономику, на благосостояние сообщества. На экономический рост как на экстерналию социального капитала указывали П. Дасгупта, Ф. Фукуяма [Dasgupta, 2000; Фукуяма, 2004], С. Нэк и З. Кифер [Knack, Keefer, 1997]. Последние установили, что при повышении уровня доверия в стране на один процентный пункт экономический рост увеличивается более чем на 0,5 п. п. Социальный капитал способствует за счёт снижения затрат на поиск и проверку контрагентов в бизнесе, на контроль за соблюдением договорных обязательств, на переговорный процесс снижению транзакционных издержек. Кроме того, он способствует персонализации отношений, расширению неформального взаимодействия между бизнес-партнерами. К экономическим аспектам внешних эффектов социального капитала можно отнести и возможности использования его ресурсов для преодоления последствий экономических кризисов [Афанасьев, 2015].

Ещё одной сферой, где раскрывает себя социальный капитал, является социальная сфера. В качестве экстерналий здесь выступают результативность социальных программ и качество социальных услуг. В социальной сфере, как утверждает Э. Усланер, социальный капитал создаёт благоприятные условия для толерантности, способствует повышению доверия. Рост доверия в свою очередь повышает уровень «моральности» социальных отношений [Uslaner, 2002; Кученкова, 2016].

Выявленные исследователями внешние эффекты в сфере политики можно считать значительными. Прежде всего, это касается повышения эффективности власти, обеспечения прозрачности и подотчётности её деятельности. Так,

Э. Усланер установил связь между доверием и политической структурой общества. По его мнению, доверие к госорганам зависит от конкретных действий руководителей страны, от их управленческих решений и действий [Uslaner, 2002].

Достаточно много исследований взаимосвязи социального капитала и гражданского общества. Здесь важным фактором является сетевое взаимодействие и способность акторов к объединению для выражения, достижения или защиты своих частных интересов. Участие в сетевом взаимодействии формирует гражданскую культуру, которую Л. Полишук и Р. Меняшев относят к одной из форм социального капитала [Полишук, Меняшев, 2011]. Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» установил, что в российском обществе существуют проблемы в гражданской социализации граждан [Мерсиянова, 2009].

Целый ряд аспектов теории социального капитала позволяет найти ответ на вопрос: как социальный капитал способствует получению социального эффекта? Прежде всего, это аргумент относительно роли и значения социальных сетей, в границах которых формируются нормы взаимности. Взаимодействие в сетях повышает доверие между его участниками. Как показывают Э. Остром, Р. Патнэм, Ф. Фукуяма и другие исследователи, эффективность обществ с высоким уровнем социального капитала обусловлена прежде всего сокращением затрат на контроль за соблюдением соглашений и контрактов как формальной основы общественного взаимодействия [Ostrom, 2000; Putnam, 1993, 2000]. Касается это в первую очередь затрат на властные структуры. Институты начинают работать эффективнее. В отечественной практике это выражается, прежде всего, в том, что они активнее реагируют на гражданские инициативы и обращения. Ещё одним аргументом служит утверждение о том, что горизонтальные связи, возникающие в ходе общественного участия, ведут к упрочению координации и коммуникации между гражданами. А это также углубляет взаимное доверие. Тесные регулярные контакты, взаимодействие, связи между членами сообщества генерируют информацию об их репутации, на что указывает Р. Патнэм [Putnam, 2000: 212]. Положительный опыт, получаемый в процессе совместного сотрудничества, сформировавшееся доверие становятся фундаментом для дальнейшего сотрудничества. Иными словами, социальный капитал, накапливаемый в таком сотрудничестве, способствует обеспечению общественной стабильности и устойчивому развитию благодаря незримым повседневным актам взаимности и доверия членов социальной группы.

Безусловно, внешние эффекты социального капитала не могут быть только положительного свойства. Существует немало негативных примеров. Носителями социального капитала негативной направленности являются мафиозные структуры, националистические и террористические образования. Сюда же можно отнести и родственно-клановые стратегии выживания, клиентелизм и коррупцию. Подобные случаи требуют своего целенаправленного изучения, что находится за пределами данного исследования. Отметим только, что, по мнению

ряда исследователей, эффекты подобного рода служат мощным препятствием для развития как рыночных отношений, так и собственно гражданского общества [Степаненко, 2004].

Цель данной статьи – показать на эмпирическом материале зависимость гражданского участия респондентов от имеющегося у них социального капитала и тем самым проанализировать возможности и ресурсы этого капитала, имеющиеся в региональном социуме по созданию социально значимых внешних эффектов. Эмпирической основой анализа стали результаты социологического исследования, проведённого специалистами ВолНЦ РАН на территории Вологодской области в рамках исследования по гранту «Региональный социальный капитал в условиях кризиса». Объём выборки составляет 1500 человек. Опрашивались жители области старше 18 лет в двух крупных городах (Вологда, Череповец), а также в 8 районах области (Бабаевский, Великоустюгский, Вожегодский, Грязовецкий, Кирилловский, Никольский, Тарногский и Шекснинский). Выборка целенаправленная, квотная. Способ отбора респондентов – многоступенчатый квотный отбор, квотируемые признаки – пол, возраст. Репрезентативность выборки обеспечивается следующими условиями: соблюдение пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населённых пунктов различных типов (сельские населённые пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области.

В ходе исследования были выявлены группы респондентов, различающиеся по уровню накопленного социального капитала. Группы выделялись на основании расчёта индекса социального капитала. Так, респонденты с самым низким уровнем социального капитала вошли в первую группу. Для них характерен выбор позиции «не доверяю» и «никак не могу повлиять», которую мы обозначили условно как минимальный социальный капитал. Во вторую группу вошли респонденты с более высоким средним индексом, которых мы обозначили как людей с закрытым социальным капиталом низкого уровня. В третью группу вошли респонденты с уровнем капитала, который соответствует закрытому капиталу высокого уровня. В четвёртой группе сосредоточены обладатели социального капитала, который был условно обозначен как открытый социальный капитал. И пятому типу соответствует открытый капитал высокого уровня. Отметим, что обозначения групп были даны условно с целью разграничения выявленных различий и для дальнейшего углубленного анализа [Гужавина, Воробьёва, 2017].

В последующем анализе мы основываемся на следующих тезисах. Во-первых, социальный капитал воплощён в социальных отношениях, возникающих в процессе взаимодействия субъектов. Во-вторых, доверие выступает в качестве базового элемента социального капитала и основы прочных социальных отношений. Являясь своего рода метаотношением, оно способствует созданию общих ценностей и норм [Антоненко, 2012]. В-третьих, социальный капитал способствует солидарному объединению индивидов в сплочённую группу, способствуя тем са-

мым социальной координации и социальному порядку. В-четвёртых, реализация социального капитала наблюдается через включённость индивида в различные формы деятельности, что создаёт условия для создания сетей отношений, роста доверия в их границах и формирования норм взаимодействия. В-пятых, существуют внешние экстерналии социального капитала, в том числе и в политической сфере. Проявляя себя в различных формах гражданской активности населения, они обуславливают функциональные возможности гражданского общества.

Используемая нами для анализа трактовка социального капитала включает в себя следующее: во-первых, наличие сетей социальных отношений, основанных на доверии и характеризующихся общими нормами и ценностями, и уровень вовлеченности в них людей. Во-вторых, полезные для общества социальные эффекты и результаты, генерируемые социальным взаимодействием в рамках этих сетей и ассоциаций, основанных на доверии, общих нормах и ценностях [Афанасьев и др., 2016]. Значительный интерес представляют собой внешние эффекты социального капитала, имеющие связь с гражданским обществом и проявляющие себя как формы гражданского участия.

Для измерения проявлений гражданского участия может быть использован целый ряд показателей, таких как доверие, солидарность, включённость в общественную деятельность. На основании сформулированных теоретических принципов и с использованием указанных индикаторов и будут анализироваться эмпирические данные.

Гипотеза нашего исследования состоит в следующем. Гражданское участие представляет собой одну из экстерналий социального капитала в сфере политических отношений и оказывает самое непосредственное влияние на формирование системы отношений и структур, понимаемых как гражданское общество. Взаимосвязь социального капитала и гражданской активности, реализуемой через участие в деятельности различных общественных организаций, имеет непосредственный характер.

Анализ эмпирических данных

Формы и ресурсы гражданского участия во многом зависят от тех социальных условий, в которых находятся граждане — носители социального капитала. К числу основных характеристик социальной среды существования индивидов мы относим экономическую ситуацию, она является важным фактором, влияющим на мироощущение респондентов, и находит свое отражение в самооценке ими своего материального положения. По данным опросов общественного мнения, проводимых ВолНЦ РАН на территории области в течение длительного периода времени, кризис 2008 г. нанёс ощутимый удар по материальному положению её жителей. И если первая волна была преодолена к 2012 г., то вторая, относящаяся к 2014 г., имела более длительные последствия. Достаточно ярко

эта ситуация находит своё отражение в степени удовлетворённости респондентами той жизнью, которую они ведут. Однако и к 2017 г. ситуация в полной мере не восстановилась на докризисном уровне (см. рис. 1).

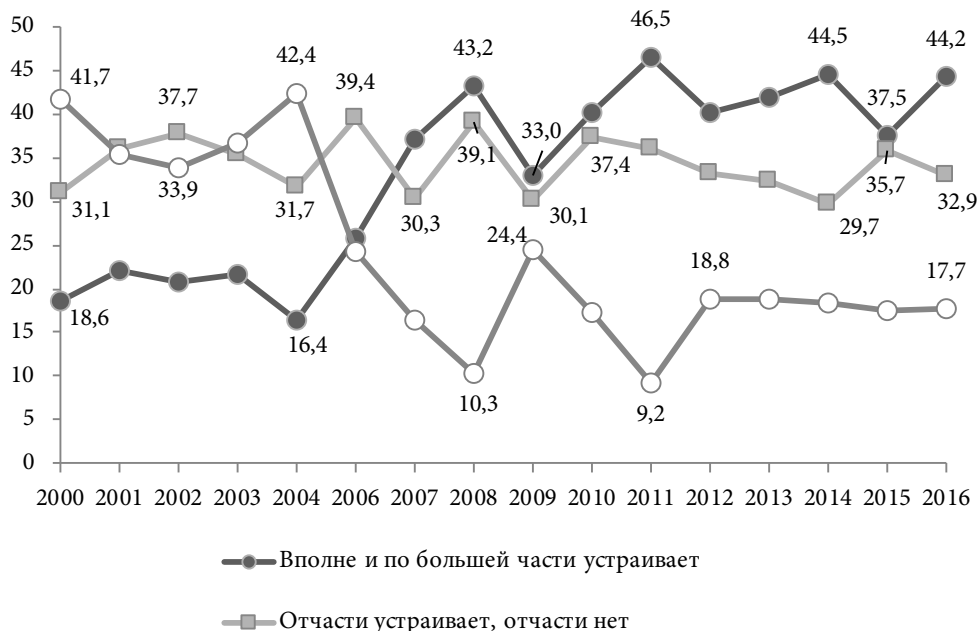

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Если говорить в целом, в какой мере Вас устраивает сейчас жизнь, которую Вы ведёте?», %

«Если говорить в целом, в какой мере Вас устраивает сейчас жизнь, которую Вы ведёте?», %

Источник: Данные Мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН. 2000–2017 гг.

Большая часть опрошенных вологжан живёт в условиях определённого денежного дефицита (см. таблицу 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «К какой группе Вы бы отнесли себя и Вашу семью?», %

Варианты ответа	Вологда	Череповец	Районы Вологодской области	Область в целом
Живём в достатке	2	2	1	2
Особых денежных проблем нет	21	16	15	17
На повседневные нужды денег хватает	45	49	42	45
Денег хватает только на самое необходимое	29	29	32	30
Денег до зарплаты не хватает даже на самое необходимое	3	4	10	7

Источник: Данные опроса общественного мнения «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», июнь 2016 г.

Экономическая ситуация создаёт значительное напряжение во всей системе социальных отношений, что проявляется как в отношениях людей между собой, так и в их отношении к институтам, в особенности к властным структурам. Наиболее ярким свидетельством этой ситуации, на наш взгляд, служит ситуация с доверием в обществе. Роль и значение доверия в социальных отношениях чрезвычайно велики. Оно является базовым условием сотрудничества и самоорганизации граждан. На основе межличностного доверия создаются многие неформальные структуры, которые впоследствии могут формализоваться в общественные организации. Во многих исследованиях межличностное доверие используется ограниченно. Это связано с тем, что оно ориентировано, прежде всего, на узкий круг агентов. И распространяется в основном на семейные отношения. Однако институт семьи в силу иерархизированности позиций не относят к институтам гражданского общества. Будучи солидарны с данной точкой зрения, тем не менее, считаем, что межличностное доверие не стоит исключать из анализа, поскольку оно выходит за границы семейных связей у абсолютного большинства респондентов. Даже несмотря на то что многие считают, что доверять можно только близким людям. При этом уровень доверия напрямую коррелирует с принадлежностью респондента к группе с накопленным уровнем социального капитала (см. таблицу 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Кому, на Ваш взгляд, можно доверять в наше время?», %

Варианты ответа	Типы социального капитала				
	1	2	3	4	5
Никому нельзя доверять	48	31	17	9	
Только самым близким друзьям и родственникам	45	60	61	53	41
Большинству знакомых людей можно доверять	4	8	15	29	28
Большинству людей можно доверять	2	1	7	7	16
Доверять можно всем людям без исключения		1	1	2	13

Доверие исследователи считают основным индикатором социального капитала либо рассматривают их как взаимосвязанные и взаимодополняемые категории [Bourdieu, 1986; Коулман, 2001; Козырева, 2009]. Ключевым элементом концепции социального капитала доверие делает такая его характеристика, как отсутствие непосредственной связи с какой-либо потребностью. Оно выступает как некое неспецифическое отношение, сопровождающее другие отношения [Антоненко, 2012: 104]. Это свойство доверия наблюдается в выборе респондентами ответа, характеризующего его состояние в зависимости от накопленного уровня социального капитала. Респонденты, вошедшие в группы с низким уровнем социального капитала (тип 1, 2), предпочитают выбирать варианты ответа «никому нельзя доверять» и «только самым близким друзьям и родственникам». Тогда как респонденты с высоким уровнем социального капитала (4-я и 5-я группы)

достаточно часто утверждают, что «большинству знакомых можно доверять». Среди них есть и приверженцы точки зрения, что можно доверять и большинству людей, а также всем людям без исключения (см. таблицу 2).

Существенные различия, выявленные в уровне доверия в зависимости от принадлежности к группе с накопленным социальным капиталом, подтверждаются и в доверии к незнакомцам (см. таблицу 3). Доверие незнакомцу, являясь конкретизацией обобщенного доверия, как и в случае с межличностным доверием, имеет тесную корреляцию с принадлежностью респондента к группе с накопленным социальным капиталом. Более высокий его уровень обеспечивает и более высокое доверие окружающим.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос:
«Насколько Вы доверяете или не доверяете прохожим на улице?», %

Варианты ответа	Типы социального капитала				
	1	2	3	4	5
Полностью доверяю	0	0	1	1	13
В основном доверяю	2	4	15	32	47
В основном не доверяю	27	39	30	21	25
Полностью не доверяю	65	35	16	11	3
Затрудняюсь ответить	5	22	37	34	13

В целом же жители области настроены либо не доверять, либо доверять ограниченно. Доверие распространяется в первую очередь на родственников и друзей, несколько меньше доверяют соседям и коллегам. То есть доверие ориентировано на людей, с которыми респонденты находятся в непосредственном контакте. Тем не менее исследователи отмечают такой эффект от социального капитала, который проявляется в том, что индивиды, демонстрируя более высокий уровень доверия друг к другу, более активно включаются в деятельность, способствующую развитию территории, а не только приносящую индивидуальную выгоду. Данный эффект отмечают как зарубежные, так и отечественные исследователи [Zielenbach, 2000; Доверие и недоверие..., 2013]. Нельзя забывать и тот факт, что семейная замкнутость ограничивает социальную активность [Фукуяма, 2004].

Важным условием для реализации гражданского участия является представление респондентов о возможности оказывать влияние на состояние дел в местах их проживания (см. таблицу 4).

Чувство ответственности в большей степени свойственно носителям большего объёма социального капитала (группы 4 и 5). Кроме того, склонность к объединению с другими для решения значимых вопросов также находится в прямой зависимости от накопленного уровня социального капитала (см. таблицу 5).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос:
«Как Вы считаете, можете ли Вы лично сегодня повлиять на состояние дел в Вашей деревне, посёлке, городе, районе?», %

Варианты ответа	Типы социального капитала				
	1	2	3	4	5
В полной мере	0	1	1	2	28
В значительной мере	1	6	3	15	22
В незначительной мере	19	22	30	37	31
Никак не могу повлиять	77	66	48	23	0
Затрудняюсь ответить	3	5	18	23	19

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «К какому типу людей Вы бы отнесли себя:
1) люди, готовые объединяться с другими для каких-либо совместных действий,
2) люди, которые не видят необходимости объединяться с другими для совместных действий, даже если их идеи и интересы совпадают?», %

Варианты ответа	Типы социального капитала				
	1	2	3	4	5
К тем, кто готов и скорее готов объединяться	56	59	58	68	91
К тем, кто не готов и скорее не готов объединяться	42	39	39	29	9

Как показывают полученные данные, чем выше уровень накопленного социального капитала, тем выше готовность к объединению для совместных действий. При этом диапазон действий может быть достаточно велик (см. таблицу 6).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос:
«Готовы ли Вы объединяться с другими людьми, чтобы..?», %

Варианты ответа	Типы социального капитала				
	1	2	3	4	5
Участвовать в самоуправлении домом, подъездом	0	6	17	28	55
Обустроить территорию проживания (дом, двор, город)	0	7	20	26	52
Помогать бедным, инвалидам	0	7	13	21	45
Бороться с преступностью, пьянством, наркоманией	0	5	10	20	40
Протестовать против неправильных действий властей	0	7	8	15	33
Защитить свои права	5	15	27	33	50
Провести досуг	0	15	27	35	45

*Приведены только положительные ответы.

Высокий уровень готовности к различным формам взаимодействия демонстрируют, прежде всего, обладатели 4-й и 5-й групп с высоким уровнем накопленного социального капитала.

Полученные в ходе исследования данные относительно имеющегося уровня доверия окружающим, солидарности, проявляющейся в готовности объединиться с другими, ответственности за стояние дел в месте своего проживания, позволяют прийти к выводу о том, что население имеет определенные ресурсы для проявления своей гражданской активности. И эти ресурсы непосредственно связаны с накопленным социальным капиталом.

Учитывая, что готовность проявить себя в тех или иных формах гражданской активности носит гипотетический характер, особый интерес представляет информация о реальном проявлении активности (см. таблицу 7).

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос: «Состоите ли Вы или участвовали в акциях, которые проводились этими организациями?», %

Варианты ответа	Типы социального капитала				
	1	2	3	4	5
Профессиональные, предпринимательские организации и ассоциации	8	1	7	12	23
Ветеранские	3	2	7	11	8
Благотворительные	3	5	13	26	50
Женские	3	1	2	8	20
Молодёжные, студенческие	0	4	11	19	22
Экологические	0	0	6	10	25
Землячества, организации национально-этнической направленности	0	1	2	2	5
Религиозной направленности	0	2	4	5	3
Творческие	3	4	9	24	33
Историко-культурной направленности	0	2	6	10	18
Физкультуры и здорового образа жизни	3	6	16	30	45
Общественно-политические объединения, политические партии	0	1	2	3	5
Общественные организации в сфере территориального, домового самоуправления или ЖКХ (ТОС, ТСЖ, совет дома и др.)	0	2	7	12	18
Правозащитной направленности и защиты прав потребителей	0	1	3	2	8
Родительские (в школе, детском саду и т. п.)	0	5	17	26	37
Профсоюзы	8	6	8	13	30
По защите различных незащищённых социальных групп (инвалидов, меньшинств, безработных)	0	1	1	4	10
Досугово-развлекательной направленности	0	3	10	16	25
Какие-либо группы, члены которых общаются только через Интернет	0	0	7	6	7
Другие группы, клубы или организации	0	1	2	3	3
Нигде не состою / не участвовал	87	76	45	28	13

Как видим из полученных в ходе опроса данных, определённый опыт участия у респондентов есть. К числу наблюдаемых различий можно отнести такой факт. Респонденты 1-й и 2-й групп ориентированы на деятельность, удовлетворяющую индивидуальные интересы. Что же касается респондентов, принадлежащих к 4-й и 5-й группам, то здесь присутствует уже социально ориентированная деятельность. Это практики участия в экологических организациях, по защите интересов различных незащищенных социальных групп, правозащитной направленности и ряда других.

Участие в деятельности различных организаций переплетается и с такой характеристикой гражданского участия, как инициативность. Более высокий уровень инициативности демонстрируют респонденты, отнесённые нами к 4-му и 5-му типам накопленного социального капитала (см. таблицу 8).

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос: «Приходилось ли Вам за последние 12 месяцев становиться инициатором каких-либо действий, чтобы..?», %

Варианты ответа	Типы социального капитала				
	1	2	3	4	5
Решать какую-то свою проблему	23	26	36	49	60
Решать проблему других людей	13	19	34	46	58
Реализовывать какой-то свой замысел, инициативу, проект	5	13	19	35	52
Реализовывать какой-то замысел, инициативу, проект других людей	3	6	16	26	42

*Приведены только положительные ответы.

Обладатели более высокого уровня накопленного социального капитала активнее, чем остальные респонденты, готовы решать свои и чужие проблемы, выдвигать инициативы и помогать с реализацией инициатив других людей. В готовности решить чью-то проблему, проект, инициированный другими, находит своё отражение и фактор солидарности, так необходимый для гражданского участия.

Уровень гражданской активности, дающий о себе знать через включённость в деятельность общественных организаций разной направленности и инициацию различных действий, в целом невысок среди вологжан. Значительная часть респондентов заявляет о своем неучастии. В тоже время среди тех, кто принимает участие, значителен разрыв в уровне активности в зависимости от накопленного социального капитала. Чем он выше, тем выше активность респондента. Представители 4-го и 5-го типа, а 5-го типа в особенности, демонстрируют существенное отличие от представителей 1-го и 2-го типа. Среди последних наблюдается минимальный уровень включённости. Что же касается первых двух, то они демонстрируют значительное разнообразие форм участия. Популярны среди респондентов организации, ориентированные на благотворительность, поддержание ЗОЖ, творческие, экологические, родительские и т. д. Направленности организации на ту или иную сферу служит в определённой мере отражением потребностей населения.

С другой стороны, возникновение организаций, их деятельность инициируются и поддерживаются государством. Многие организации решают социально значимые вопросы, стремятся к вовлечению населения в свою деятельность. Через включённость в деятельность общественных организаций происходит взаимодействие государства и граждан, создающих тем самым гражданское общество. Гражданское участие способствует расширению контактов, созданию сетей взаимодействия, повышает уровень готовности к взаимодействию в будущем, способствует накоплению социального капитала. Тем не менее оценить уровень участия как высокий не представляется возможным. Вовлечённость жителей области в деятельность организаций политической направленности, ориентированных на непосредственное взаимодействие с государством, на выражение интересов жителей территории перед властными структурами, минимальна. Данная ситуация ослабляет региональное гражданское общество. Это говорит нам о том, что и формы гражданского участия, ориентированные на социально значимые проекты, недостаточно развиты. Тем самым база гражданского общества оказывается весьма узкой. Ограничивается, таким образом, и выполнение его основной функции как механизма обратной связи между населением и государством.

Заключение

Социальный капитал, как показало исследование, тесным образом связан с гражданским участием его носителей. Взаимосвязь исследуемых переменных в полной мере подтверждает нашу гипотезу. Гражданское участие действительно можно рассматривать как одну из экстерналий социального капитала, наблюдаемую в сфере политических отношений. Основным проявлением её является социальный эффект от включённости в деятельность общественных организаций и приобретение опыта взаимодействия, что оказывает самое непосредственное влияние на формирование системы отношений и структур, понимаемых как гражданское общество. Активность граждан во многом обусловлена уже имеющимся уровнем накопленного социального капитала, а уровень гражданского участия коррелирует с уровнем накопленного социального капитала. Используемый в данной работе подход позволяет продолжить исследование гражданской активности. Следующим шагом будет изучение социальных практик, в которые включены носители социального капитала. Представляется, что в социальных практиках находит своё отражение реальное функционирование социальных институтов, сформировавшихся норм, чем и обеспечивается само существование гражданского общества.

Список литературы

Антоненко И. В. Интегративный потенциал доверия: метаотношение и функции // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. № 1. С. 104–108.

Афанасьев Д. В. К исследованию роли социального капитала регионов в условиях социально-экономического кризиса // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 4 (40). С. 88–108. DOI: 10.15838/esc/215.4.40.6.

Афанасьев Д. В., Гужавина Т. А., Мехова А. А. Социальный капитал в регионе: к вопросу измерения и построения индикаторной модели // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 6 (48). С. 110–125. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.6.

Беляева Л. А. Региональный социальный капитал и множественная модернизация в России. К постановке проблемы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 1 (31). С. 108–115. DOI: 10.15838/esc/2014.1.31.10

Блонин В. А. Иващенко Н. Н., Стрелков Д. Г. Проблемы и перспективы развития гражданского общества в Нижегородской области: интеграция НКО // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 2. С. 250–258.

Гужавина Т. А. Региональное гражданское общество: условия и факторы существования [Электронный ресурс] // Проблемы развития территории. 2015. № 3 (77). URL: <http://pdt.vscs.ac.ru/article/1259> (дата обращения: 15.04.2018).

Гужавина Т. А., Воробьёва И. Н. Применение факторного анализа при измерении социального капитала [Электронный ресурс] // Социальное пространство. 2017. № 4. URL: <http://sa.vscs.ac.ru/article/2377> (дата обращения: 20.05.2018).

Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / Отв. ред. А. Б. Купрейченко, И. В. Мерсияновой. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. 564 с.

Кирдина С. Г. Гражданское общество: уход от идеологемы // Социологические исследования. 2012. № 2. С. 63–73.

Козырева П. М. Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 43–54.

Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139.

Кученкова А. В. Межличностное доверие в российском обществе // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 26–36.

Мерсиянова И. В. Добровольные объединения граждан в местном самоуправлении: проблемы институционализации. М.: Academia, 2004. 180 с.

Мерсиянова И. В. Социальная база российского гражданского общества // Общественные науки и современность. 2009. № 4. С. 35–45.

Мерсиянова И. В., Корнеева И. Е. Вовлечённость населения в неформальные практики гражданского общества и деятельность НКО: региональное измерение. М.: НИУ ВШЭ, 2011. 196 с.

Мерсиянова И. В., Якобсон Л. И. Общественная активность населения и восприятие гражданами условий развития гражданского общества / предисл. Я. И. Кузьмина. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. 220 с.

Полищук Л. Меняшев Р. Экономическое значение социального капитала // Вопросы экономики. 2011. № 12. С. 46–65.

Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация [Электронный ресурс] // Экономическая социология. Электронный журнал. 2002. Т. 3. № 4. С. 20–32. URL: https://ecsoc.hse.ru/2002-3-4/annot.html#doc_26593609 (дата обращения: 20.04.2018).

Степаненко В. Социальный капитал в социологической перспективе: теоретико-методологические аспекты исследования // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 2. С. 24–41.

Токвиль А. де. Демократия в Америке. Пер. с фр. / Предисл. Гарольда Дж. Ласки. М.: Прогресс, 1992. 554 с.

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. Пер. с англ. М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004. 734 с.

Шаматонова Г. Л. Становление гражданского общества в современной России: региональные особенности и проблемы развития // Вестник социально-политических наук. 2013. № 12. С. 156–161.

Яницкий О. Н. Гражданское общество и академическое сообщество [Электронный ресурс] // Официальный сайт ИС РАН. 2010. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1817> (дата обращения: 15.04.2018).

Bourdieu P. The forms of capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. by J. G. Richardson. N.Y.: Greenwood Press, 1986. P. 241–258

Dasgupta P. (ed), Sergaldin I (ed). Social capital: a multifaceted perspective / P. Dasgupta, I. Sergaldin. Washington: DC: World Bank, 2000.

Knack S., Keefer P. Does social capital have an economic payoff? A cross country investigation // Quarterly Journal of Economics. 1997. № 112 (4). P. 1251–1288.

Ostrom E. Social Capital: Fad or a Fundamental Concept? // Social Capital, a Multifaceted Perspective. Ed. By P. Dasgupta, I. Serageldin. Washington, DC: World Bank, 2000. pp. 172–214.

Putnam R. Making Democracy Work: Civic Tradition in Modern Italy. Princeton: Princeton University Press, 1993.

Putnam R. D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon & Schuster, 2000.

Uslaner E. M. The Moral Foundations of Trust. Cambridge University Press, 2002. 312 p.

Zaleski P. Global Non-governmental Administrative System: Geosociology of the Third Sector // Gawin, Dariusz & Gliński, Piotr [ed.]. Civil Society in the Making. IFiS Publishers, Warszawa 2006. P. 114–143.

Zielenbach S. The Art of Revitalization: Improving Conditions in Distressed Inner-City Neighborhoods. New York: Garland. 2000. 200 p.

Woolcock M., Narayan D. Social Capital: Implications for Development Theory Research and Policy // IBRD, Research Observer. 2000. № 15 (2). P. 225–251.

Дата поступления в редакцию: 28.12.2018.

DOI: 10.19181/snsp.2019.7.1.6268

Civic Engagement as an Externality of Social Capital

The article was prepared with the financial support of RFBR. Grant № 19-011-0724/19

«Barriers to civic participation and mechanisms to overcome them at the regional level»

Guzhavina Tatiana Anatol'evna

Candidate of Philosophy Science, Associate Professor, Leading Researcher, Vologda Scientific Center of RAS. Gogol st. 4, 9162000, Vologda, Russia. E-mail: tanja_gta@mail.ru

Abstract. The concept of social capital that has become popular in the last decades has significant heuristic potential. It is developed through the broadening of the object of research. Today, the study of the externalities of social capital remains an under-investigated area. The use of social capital has a wide range of external effects. Most often, attention is paid to their occurrence in the economy. However, they are present in all spheres of social life and are significant there, too. Thus, in the sphere of political engagement, social effects may include various forms of civic engagement, which facilitate the functioning of civil society, and, in particular, the implementation of its function as a mechanism of feedback between the society and state. This article aims to demonstrate using empirical material the dependence of respondents' civic engagement on their social capital. The empirical research base is represented by the results of public opinion polls of the population of Vologda Region, conducted in June 2016 by specialists of the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences Federal Publicly Funded

Institution of Science. During data analysis carried out on the basis of an indicator model of social capital measurement developed in the course of the Regional Social Capital in Crisis Conditions project, groups of social capital bearers different in accumulation level were identified. Data were analyzed with the use of the SPSS package. The research discovered that the civic activity demonstrated by respondents depends on their belonging to a group with accumulated social capital. Persons with social capital of higher level were to a much greater extent involved in various forms of civic engagement.

Keywords: social capital, external effects, civic participation, indicator model.

REFERENCES

- Antonenko I. V. Integrativny'j potentsial doveryiya: metaotnosheniya i funktsii. [Integrative potential of trust: meta-relationship and functions]. *Vestnik Universiteta (Gosudarstvenny'j universitet upravleniya)*. 2012. № 1. P. 104–108. (In Russ.).
- Afanas'ev D. V. K issledovaniyu roli social'nogo kapitala regionov v usloviyax social'no-ekonomicheskogo krizisa. [To study the role of social capital of regions in the conditions of socio-economic crisis]. *Ekonomicheskije I sotsial'nyje peremeny: fauty, tendentsii, prognoz*. 2015. № 4(40). P. 88–108. (In Russ.). DOI: 10.15838/esc/215.4.40.6.
- Afanas'ev D. V., Guzhavina T. A., Mekhova A. A. Sotsial'ny'j kapital v regione: k voprosu izmereniya i postroeniya indikatornoj modeli. [Social capital in the region: on the measurement and construction of the indicator model]. *E'konomicheskie i sotsial'ny'e peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 2016. № 6(48). P. 110–125. (In Russ.). DOI: 10.15838/esc/215.4.40.6.
- Belyaeva L. A. Regional'nii sotsial'nii kapital I mnozhestvennaya modernizatsia v Rossii. K postanovke problemy. [Regional social capital and multiple modernization in Russia. To problem statement]. *E'konomicheskie i sotsial'ny'e peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 2014. № 1 (31). P. 108–115. (In Russ.). DOI: 10.15838/esc/2014.1.31.10
- Blonin V. A. Ivashinenko N. N., Strelkov D. G. Problemy' i perspektivy' razvitiya grazhdanskogo obshhestva v Nizhegorodskoj oblasti: integraciya NKO. [Problems and prospects of civil society development in Nizhny Novgorod region: NGO integration]. *Vestnik nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. 2008. № 2. P. 250–258. (In Russ.).
- Fukuyama F. Doverie: sotsial'ny'e dobrodeteli i put' k protsvetaniyu. [Trust: social virtues and the path to prosperity]. M.: AST; Ermak publ., 2004. 734 p. (In Russ.).
- Guzhavina T. A. Grazhdanskoe obshhestvo: voprosy' samoorganizatsii na regional'nom urovne. [Regional civil society: conditions and factors of existence]. *Vestnik Pomorskogo universiteta*. 2010. № 3. P. 42–45. (In Russ.).
- Guzhavina T. A. Regional'noe grazhdanskoe obshhestvo: usloviya i faktory' sushhestvovaniya. [Regional civil society: conditions and factors of existence]. *Problemy' razvitiya territorii*. 2015. № 3 (77). URL: <http://pdt.vssc.ac.ru/article/1259> (In Russ.).
- Guzhavina T. A., Vorob'eva I. N. Primenenie faktornogo analiza pri izmerenii social'nogo kapitala. [The use of factor analysis in the measurement of social capital]. [E'lektronny'j resurs]. *Sotsial'noe prostranstvo*. 2017. № 4. URL: <http://sa.vssc.ac.ru/article/2377> (In Russ.).
- Kirdina S. G. «Grazhdanskoe obshhestvo»: ukhod ot ideologemy. [Civil society: moving away from the ideologeme]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2012. № 2. P. 63–73. (In Russ.).
- Kozy'reva P. M. Mezhlchnostnoe doverie v kontekste formirovaniya social'nogo kapitala. [Interpersonal trust in the context of social capital formation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2009. № 1. P. 43–54. (In Russ.).
- Koulman Dzh. Kapital sotsial'ny'j i chelovecheskij. [Social and human capital]. *Obshhestvenny'e nauki i sovremennost'*. 2001. № 3. P. 122–139. (In Russ.).
- Kuchenkova A. V. Mezhlchnostnoe doverie v rossiyskom obshchestve. [Interpersonal trust in Russian society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2016. № 1. P. 26–36. (In Russ.).
- Mersyanova I. V. *Dobrovol'nye ob'edineniya grazhdan v mestnom samoupravlenii: problemy institucionalizatsii*. [Voluntary associations of citizens in local self-government: problems of institutionalization]. M.: Academia publ., 2004. 180 p. (In Russ.).

Mersiyanova I. V. Sotsial'naya baza rossiyskogo grazhdanskogo obschestva. [Social base of Russian civil society] *Obschestvennye nauki i sovremennost'*. 2009. № 4. P. 35–45. (In Russ.).

Mersiyanova I. V., Korneeva I. E. Vovlechnenost' naseleniya v neformal'nye praktiki grazhdanskogo obschestva i deyatel'nost' NKO: regional'noe izmerenie. [Involvement of the population in informal practices of civil society and activities of NGOs: regional dimension]. M.: NIU VSHE publ., 2011. 196 p. (In Russ.).

Mersiyanova I. V., Yakobson L. I. *Obschestvennaya aktivnost' naseleniya i vospriyatie grazhdanami usloviy razvitiya grazhdanskogo obschestva*. [Public activity of the population and citizens' perception of the conditions of civil society development]. Predisl. Ya. I. Kuz'minova. M.: Izd. dom GU VSHE publ., 2007. 220 p. (In Russ.).

Polischuk L. Menyashv R. E'konomicheskoe znachenie social'nogo kapitala. [Economic importance of social capital]. *Voprosy ekonomiki*. 2011. № 12. P. 46–65. (In Russ.).

Radaev V. V. Ponyatie kapitala, formy kapitalov i ih konvertatsiya. [The concept of capital, forms of capital and their conversion]. *Ekonomicheskaya sociologiya. Elektronnyj zhurnal*. 2002. Sentyabr'. T. 3. № 4. P. 20–32. (In Russ.).

Stepanenko V. Sotsial'ny'j kapital v sotsiologicheskoy perspektive: teoretiko-metodologicheskie aspekty' issledovaniya. [Social capital in sociological perspective: theoretical and methodological aspects of the research]. *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing*. 2004. № 2. P. 24–41. (In Russ.).

Tokvil' A. de. *Demokratija v Amerike*. [Democracy in America]. M.: Progress publ., 1992. 554 p. (In Russ.).

Shamatonova G. L. Stanovlenie grazhdanskogo obshchestva v sovremennoj Rossii: regional'ny'e osobennosti i problemy' razvitiya. [Formation of civil society in modern Russia: regional features and problems of development]. *Vestnik social'no-politicheskix nauk*. 2013. № 12. P. 156–161. (In Russ.).

Yanitskij O. N. Grazhdanskoe obschestvo i akademicheskoe soobshchestvo. [Civil society and the academic community]. [Elektronnyj resurs]. *Ofitsial'nyj sayt IC RAN*. 2010. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1817> (data obrascheniya: 15.04.2018). (In Russ.).

Bourdieu P. The forms of capital. *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. Ed. by J. G. Richardson. N.Y.: Greenwood Press, 1986. P. 241–258.

Coleman J. *The Foundations of Social Theory*. Cambridge, MA: Belknap of Harvard UP, 1993. 993 p.

Dasgupta P. *Social capital: a multifaceted perspective*. Washington, DC: World Bank, 2000.

Fedderke J. W. Economic Growth and Social Capital. *Theory and Society*. 1999. № 28. P. 709–745.

Knack S., Keefer P. Does social capital have an economic pay-off? A cross country investigation. *Quarterly Journal of Economics*. 1997. № 112 (4). P. 1251–1288.

Ostrom E. *Social capital: fad or a fundamental concept? Social capital, a multifaceted perspective*. Ed. by P. Dasgupta, I. Serageldin. Washington, DC: World Bank, 2000.

Putnam R. *Making democracy work: civic tradition in modern Italy*. Princeton: Princeton University Press, 1993.

Putnam R. D. *Bowling alone: the collapse and revival of American community*. New York: Simon & Schuster, 2000.

Uslaner E. M. *The moral foundations of trust*. Cambridge University Press, 2002. 312 p.

Zaleski P. Global non-governmental administrative system: geosociology of the third sector. *Civil Society in the Making*. IFiS Publishers, Warszawa 2006. P. 114–143.

Zielenbach S. *The art of revitalization: improving conditions in distressed inner-city neighborhoods*. New York: Garland, 2000. 200 p.

Woolcock ., Narayan D. Social Capital: Implications for Development Theory Research and Policy. *IBRD, Research Observer*. 2000. № 15 (2). P. 225–251.

Date received by 28.12.2018.